

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЦАРЯ В ДРЕВНЕЙШИХ ХЕТТСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ**

DOI: 10.25629/НС.2020.05.06

Солопов А.П.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ репрезентации образа царя в нарративных источниках, относящихся ко временам образования государства хеттов, а также древнехеттскому периоду. Выявлены специфические особенности восприятия царской власти, характерные для данной эпохи – видение авторами текстов образа царя как военачальника, судьи, верховного жреца и слуги богов, наделенного их покровительством, однако не обожествляемого. Позднее происходит резкое смещение акцента в источниках с переносом внимания на описание личностных качеств правителя: ума, хитрости, дипломатических навыков, а также на сюжеты, связанные с институтом династических браков. Тогда же, значительно более рельефными становятся идеи исключительной близости царя к богам. Расширяются жреческие полномочия правителя. Появляется устойчивая формулировка «царь стал богом» как эвфемизм смерти, свидетельствующая о возникновении и распространении царского культа. Гораздо чаще встречаются мотивы ответственности царя перед божествами за судьбу, жизнь, здоровье и благополучие своих подданных. Все это позволяет говорить об отражении в культуре характерной для новохеттского царства тенденции к усилению власти лабарны (царя), ее централизации, и укреплению в сознании народа.

Ключевые слова: лабарна, царь, государство, царская власть, культура, хетты, Древний Восток, Анатолия.

Введение

Хеттское царство, одно из крупнейших государств Малой Азии II тысячелетия до нашей эры, не обладало институтом сильной централизованной царской власти. Это объяснялось множеством факторов. Однако доминирующим, несомненно, является экономика – высокая плодородность почв, редкие и не фатальные засухи, отсутствие потребности в создании ирригационных сооружений – все это являлось стимулом к развитию общинно-частной формы собственности на землю, позволявшей свободному земледельцу вести хозяйство, существенно опережавшее дворцовое по своей эффективности. Однако, несмотря на такое распределение сфер экономического влияния, царская власть не только существовала, но и являлась крайне значимым общественным институтом, обладая, при этом, определенной спецификой. Не имея возможности, равно как и потребности, в жесткой регламентации внутривосточной и экономической жизни страны, хеттские цари организовывали свои земли по принципу конфедерации, оставляя отдельным землям широкую автономию, поскольку это позволяло им обходиться без централизованного аппарата управления [5]. Однако нельзя отрицать, что, будучи военным вождем, а также верховным арбитром в правовой сфере [1], царь являлся ключевой фигурой, вокруг которой строилось большинство историко-литературных нарративов и множество религиозных текстов этого народа.

По мере внешнеполитической экспансии хеттской державы, развития и усложнения его внутривосточной структуры, эволюции системы социальных институтов и религиозных верований, подвергалась существенным переменам и культура страны, органично отражавшая актуальную ей действительность. В частности, изменялись мировоззренческие установки, определявшие специфику взгляда авторов различных нарративных источников на фигуру царя. Именно в попытке проследить развитие комплекса представлений хеттов об институте царской власти, его функциях и предназначении, состоит цель настоящего исследования, поскольку, ранее в историографии освещались лишь отдельные аспекты данной проблемы – в

первую очередь, религиозный, без преувеличения, наиболее глубоко изученный из всех. Показательными являются исследования И.С. Якубовича, в которых на примере обрядового текста, в частности, исчерпывающе рассматривается вопрос о том, какими виделись хеттским авторам отношения между царской и божественной властью, утверждается подчиненное прижизненное положение царя по отношению к богам [7] и т.д. В дальнейшем, мы прибегнем к информации, содержащейся в данной работе, равно как и в работах других видных хеттологов: Х.Г. Гютербока, Г. Хоффнера и т.д.

В рамках данного исследования мы рассмотрим комплекс источников, относящихся ко периоду развития хеттской державы с древнейших времен вплоть до конца древнехеттского периода с целью выявления общих позиций по интересующему нас вопросу, характерных для данной эпохи. Стоит также упомянуть, что источники, связанные с Хеттским царством в целом крайне малочисленны и разрозненны, с чем связана определенная фрагментарность анализируемых нарративов.

Ранняя история и древнехеттский период

На данном этапе нашим основным источником являются царские летописи, поскольку именно в них находит яркое отражение элемент восприятия царем собственной роли в мире и обществе, что является важнейшим фактором для понимания интересующей нас проблемы.

Показательным в этом отношении является уже древнейший из рассматриваемых источников – летопись ключевого для формирования хеттской державы правителя, правление которого пришлось на первую половину XVIII века до н.э., так называемая надпись Анитты. В тексте источника можно условно выделить две доминирующие смысловые группы. С одной стороны, это описание череды военных кампаний, в которых правитель одержал победы, и политики, проводимой им в отношении покоренных земель: Уламы, Хатти, Харкиуны, городов моря Цальпы и так далее [3, с. 37]. Важно отметить, что зачастую решения, принимаемые царем касательно судьбы побежденных противников, не подразумевают существенных изменений в их политической или социальной жизни, ограничиваясь вывозом ценностей, а также назначение наместников. С другой стороны, в данном источнике показан и другой элемент царской власти, которому в тексте уделено куда больше внимания – это религиозные деяния царя. Уже на тот момент хеттский царь обладал статусом и полномочиями верховного жреца, что, очевидно, возлагало на него специфические обязанности [7]. Так, Харкиуна и еще несколько поселений отдается в жертву богу-покровителю царя. Эта жертва «оформлена» в виде запрета заселять кому-либо данные города. Одновременно с этим запретом на других захваченных территориях закладываются храмы значимых богов хеттского пантеона – Бога Престола и Бога Грозы небесного. В надписи Анитты также описываются богослужебные действия, проводимые царем в упомянутых храмах, крупные жертвоприношения: «Я помолился и поклонился. И врагов я проклял. И в тот же первый день освящения храмов я привел двух львов, семьдесят свиней, одного дикого кабана, сто двадцать медведей, и священных зверей разных – и леопардов, и львов, и оленей, и горных козлов, и волков...» [3, с. 39]. Здесь же впервые встречается очень важная формулировка: описывая успеха царя, летописец упоминает, что тот был «угоден Богу Грозы небесному» [3, с. 37], видя именно в этом причину его побед. Важно уточнить, что в представлении хеттских авторов именно Бог Грозы небесный являлся покровителем царя, а также божественным источником его власти [6].

Как будет видно далее, эти два аспекта – воинственность и глубокая религиозность царя – в описании царской власти являются ключевыми для источников рассматриваемого периода, поскольку именно они находят наиболее полное выражение во всех рассмотренных нами нарративах.

Следующий не менее значимый источник – летопись царя Хаттусилиса I, правившего в период приблизительно с 1650 по 1620 гг. до н.э. – демонстрирует схожие тенденции. По сути, текст представляет собой перечисление военных кампаний, в которых правитель так или иначе преуспел, в результате чего им были покорены причерноморские земли, территории хурритов и т.д., а также описание захваченной в этих походах богатейшей добычи. Характеризуя иму-

щество, добытое в результате одного только похода в Хассуву, летописец восторгается обилием драгоценностей, культовых изображений Бога Грозы и других божеств, статуй из серебра и золота и других предметов роскоши [3, с. 68]. В данном источнике ярко описаны и проявления религиозного сознания царя – сопоставимый по объему с описанием всей добычи фрагмент летописи содержит перечисление драгоценных предметов мебели и оружия, которые были пожертвованы царем храмам богов.

В другом источнике, относящемся к периоду правления «старого царя» Хаттусилиса I [3, с. 76], в таблице, содержащей сведения касательно подавления им ряда восстаний внутри страны, зафиксирован ряд принципиально важных для данного исследования аспектов. Сам текст построен по тому же принципу, что и другие летописи. По сути, это история о череде военных побед царя, завершающаяся сценами разрушения мятежных городов [3, с. 89], однако помимо описания непосредственно боевых действий, здесь содержится мораль: “Человек города Цальпы слово отца отбросил. Смотри, что случилось с городом Цальпой! Человек города Хассуву слово отца отбросил. Смотри, что случилось с городом Хассувой! Человек города Хальпы слово отца отбросил. И город Хальпа погибает!” [3, с. 79]. Важно понимать, что летописный текст формируется сугубо избирательно и, в силу значительной степени авторской субъективности, является не только источником фактического материала, но и прекрасно демонстрирует приоритеты составителя, характеризует его мировоззрение, а также мировосприятие заказчиков текста, поскольку летописи создавались в первую очередь именно в их интересах, а значит, не могли не быть в известной степени предвзяты: так, например, практически ни в одном хеттском источнике, так или иначе затрагивающем вопросы царской власти, нельзя найти негативную оценку правителя [6, с. 14]. Поэтому из приведенного выше фрагмента видно, что территориальная целостность страны и ее сохранение являлись сферой ответственности царя, его долгом, как «отца» государства и народа. Посмевающие послушаться его не избежат его скорого возмездия.

Невероятно интересны дошедшие до нас в данном источнике требования, предъявляемые к претенденту на престол по завещанию Хаттусилиса I. Говоря о нежелательном наследнике, царь следующим образом аргументирует невозможность допустить его к власти: “Он оказался недостойным! Он не плакал, не выказывал сочувствия. Холодный он и неласковый!” [3, с. 71]. Становится очевидно, что в представлениях того периода царь, как своего рода «ставленник» божеств и «отец» в своем государстве, должен позиционировать себя как человеческий, тонко чувствующий правитель с яркой палитрой эмоций. Далее в тексте эта мировоззренческая норма подтверждается царским наставлением «достойному» наследнику Мурсилису, в котором содержится требование править страной милостиво и сострадательно [3, с. 76]. При этом, описывая итоги своего правления, Хаттусилис, по сути, дает нам формулу удачного царствования с точки зрения хеттов того времени: “Внешних врагов своих я поразил молотом, и страну свою я держал в спокойствии. Так пусть не случится так, что он начнет проливать кровь в моей стране!” [3, с. 75]. Действительно, сочетание агрессивной и успешной внешней экспансии со стабильностью и спокойствием в сфере внутренней политики являлось наиболее высоко ценным при оценке царского правления у хеттов.

Первые признаки перемен в восприятии роли царской власти в стране и обществе намечаются в правление Телепинуса в период около 1525–1500 гг. до н.э. Хотя в его завещании и упоминается его деятельность как военачальника, центральным для повествования является сюжет о долгой междоусобице, ведущейся за царский титул между различными группировками внутри династии. Победивший в противостоянии и желающий обезопасить своих потомков от повторения подобной борьбы, царь устанавливает жесткий регламент порядка наследования престола: “Царем да будет поставлен первый царевич – сын царя. Если первого царевича нет, то тот, который сын второй по месту, пусть царем станет. Когда же наследника – сына царя нет, то которая дочь царя – первая, для той пусть возьмут зятя, входящего в дом, и он да будет царем” [3, с. 98]. Это можно считать проявлением стремления царя к концентрации власти в своих руках, сохранению преемственности царской власти. Важно, что вплоть до момента создания данного документа, царь был не в праве назначать наследника по своей воле,

для этого требовался созыв и непосредственное участие «панкуса» – собрания наиболее уважаемых и влиятельных представителей знати, обладавших привилегией утверждать предлагаемую царем кандидатуру [2, с. 67-68].

Помимо этого, текст иллюстрирует принцип, которым в хеттском государстве на тот момент руководствовались в сфере судебно-правовой деятельности: “...а дело крови таково. Если кто-нибудь повинен в убийстве, то слово за хозяином крови. Если он скажет: “Пусть он умрет”, – то виновный должен умереть. Если же он скажет: “Пусть он даст воздаяние”, – то он должен дать воздаяние. Но к царю никакого обращения быть не должно” [3, с. 100].

Подобное не может не служить примером крайней низкой степени регламентации частной жизни, создающей ситуацию, когда большая часть правовых вопросов по сути остается в зоне ответственности частных лиц без привлечения государственной бюрократии.

Еще одной значимой темой, часто встречаемой в источниках данного периода, является тема взаимоотношений царя с упомянутой выше бюрократией. Так, летописная таблица, посвященная неудачной осаде хеттскими войсками города Уршу, расположенного в Малой Азии и являвшегося спорной территорией между хеттским царством и государством хурритов, содержит информацию о еще одной крайне интересной особенности восприятия царской власти авторами того периода: несмотря на то, что текст полностью посвящен военной неудаче, он, тем не менее, представляет царя в максимально выгодном для него свете, прославляя его и, одновременно, обвиняя во всех упущениях приближенных к нему чиновников как средоточие всевозможных злоупотреблений [4].

В хеттской литературе сложился даже самостоятельный жанр малой литературной формы, посвященный описанию должностных преступлений чиновников и жестокому, но справедливому возмездию, вершимому царем. Примером таких взаимоотношений царя и чиновников является текст «Царского выговора сановникам», в котором царь излагает причины своего гнева, вызванного коррумпированностью бюрократии на местах, склонностью чиновников вопреки принципам справедливости защищать интересы богатых землевладельцев, угнетая бедных [9, с. 75]. В описываемых случаях царь выступает в роли верховного арбитра. В ходе описываемых разбирательств не упоминаются никакие правовые документы. Царь выступает как носитель законности сам по себе, при это сфера его интересов – он сам, двор и аппарат управления. Несмотря на то, что сборник так называемых «Хеттских законов» на тот момент уже существовал, он был далеко не полным [1, с. 21], в силу чего нередко царь разрешал те или иные дела, опираясь исключительно на собственное видение без обращения к норме закона.

При этом, как уже упоминалось, дворцовая жизнь и все как-либо связанное с жизнью и здоровьем царя было жесточайшей регламентировано. К примеру, сборник Инструкций для дворцовых слуг, связанных с чистотой царя, содержит инструкции для всех видов дворцового персонала – от поваров до изготовителей царской обуви – которые способствуют гарантируют условия для обеспечения и сохранения как физической, так и духовной чистоты правителя. Ни одна другая сфера деятельности не регламентируется настолько четко, причем несоблюдение установленных ритуалов и процедур, согласно источнику, каралось не только людьми, но и богами: “...боги царя следят за тобой! Они превратят тебя в козла, и они уведут тебя в горы; или они превратят тебя в животное-гагтапа, и они уведут тебя к утесу” [3, с. 85].

Духовная чистота также должна была поддерживаться самим царем. Это обеспечивалось, например, тем, что при вступлении на престол, новый правитель должен был провести богатую религиозную церемонию, нередко повторяемую несколько раз [7, с. 123]. Также, при постройке нового дворца, царь должен был участвовать участие в обрядах его освящения: проходить через ритуалы, проводимые жрецами, а затем «идти к горе», где он тягается с Солнцем и говорит заклятия и заклинания: “Она, гора, взяла у него болезнь. Злые слова она взяла. Месть она взяла. Страх она взяла. Ужас она взяла. Сердца болезнь она взяла. Старость она у него взяла. Жизненную силу она ему вернула. Мужскую мощь она ему вернула” [3, с. 48]. Аналогичные культовые элементы нетрудно найти в хеттской вариации легенды о Нарам-Сине, в

сценах бесед главного героя сначала с богиней Иштар, а затем со «своими богами», которые дают ценные советы, призванные сохранить его жизнь [3, с. 85-86].

Итак, в древнехеттский период, согласно источникам, образ царя рисуется нам так. Он в первую очередь успешный военный лидер, занятый внешней экспансией и безжалостный к врагам. Этому посвящена практически вся его государственная деятельность. Внутренняя политика занимает его в значительно меньшей степени, при этом она направлена на поддержание стабильности, которую царь должен гарантировать. Единственным исключением является регламентация работы государственного аппарата, и вопросы, связанные с личной безопасностью и благополучием царя, система управления не обладала высокой степенью централизации и во всем, что не касалось личной безопасности царя, государственное регулирование было сведено к минимуму. Царь – эмоциональный, эмпатичный, не скрывающий своих чувств и способный к сопереживанию человек. Царь – личность истово религиозная. Жреческие функции, такие, как богослужения и жертвоприношения, осуществляются им только в качестве слуги богов, при этом лабарна не обладает и не претендует на божественный статус ни при жизни, ни в перспективе. Царь – верховный арбитр, который выше закона, ибо он справедлив, и он отец своего народа, постепенно осознавший необходимость сохранения и преемственности своей власти.

Заключение

Начало новохеттского периода ознаменовалось коренной переменой в подходе летописцев к описанию образа царя. В центре внимания теперь не череда его военных побед, но дипломатичность, способность выстраивать отношения долгосрочные и краткосрочные отношения с другими людьми и государствами, хитрость, гибкий ум.

В то же время институт династического брака становится элементом дипломатии. К примеру, в летописи царя Суппилулиумаса подробно рассказывается о попытке вдовы египетского фараона посвататься к хеттскому царевичу. Вопреки тому, что в летописи содержатся описания эпизодов военного конфликта, повествование строится не вокруг них, но вокруг взаимоотношений и переговоров между хеттами и представителями Египта по поводу предстоящего брака [3, с. 174].

Изменения проникают также в принципы смыслового построения текстов даже когда речь идет об описании военных действий. В летописи Мурсилиса II содержится показательный в этом отношении эпизод. Повествуя о ходе войны, летописец преподносит его не как последовательность побед, но как подробное и глубокое описание тактики ведения сражений. Например, согласно летописи, город Ияхресс был взят хеттскими войсками благодаря тому, что Мурсилис применил ряд сложных маневров, включавших ночной переход, обеспечивших ему победу [3, с. 179]. Так царь становится не просто воином, но стратегом и тактиком, военным мыслителем, способным победить сначала в своем сознании, а потом перенести замысел и реализовать в жизни.

Другой важнейшей переменной, произошедшей с массовым восприятием царя в рассматриваемый период, становится радикальное изменение его религиозной роли. Лабарна приобретает совершенно новые функции и полномочия. В этот период одним из титулов царя становится «жрец Богини Солнца (города) Аринны и всех богов» [8, с. 146]. Аналогичная тенденция проявляется в тексте молитвы Мурсилиса во время чумы. В ней царь возлагает ответственность за пришедшую в его страну эпидемию чумы на себя и своего отца [3, с. 182]. Во-первых, он начинает осознавать свою прямую ответственность перед богами за жизнь и благополучие подданных. Во-вторых, появляется концепция греха, переходящего по наследству, так как в данном случае, согласно молитве, боги карают его за проступки, совершенные еще его отцом [3, с. 182]. Так совершенно явно появляется укрепление династического самосознания и понимания высокой меры ответственности правителя за свои деяния. Ответственности и перед своим народом, и перед страной, и перед своими наследниками.

Не менее интересные и показательные сведения об образе правителя в новохеттском царстве мы можем найти в автобиографии Хаттусилиса III. В первую очередь, из текста становится ясно, что царские дети отдавались в услужение жрецам, где проходили обучение жертвенным возлияниям и другим ритуальным действиям. Также, важнейшей деталью является обстоятельство, о котором повествует автор, упоминая о смерти своего предшественника. Хаттусилис пишет: “когда... мой отец Мурсилис стал богом...” [3, с. 196], – показывая этим нам, что в означенное время правители начинают обожествляться после смерти. Важно отметить, что это упоминание не единично – аналогичные ему содержатся, например, в молитве жены Хаттусилиса Пудухепы [3, с. 204]. Несмотря на то, что в этот период фигура царя наделялась божественными свойствами уже при жизни, именно посмертное поклонение становилось основой полномасштабного царского культа [8, с. 144-145].

Образ царя в новохеттский период сохраняет все уже сложившиеся в предыдущие периоды черты. Более того, в силу специального обучения, получаемого у жрецов, в это время правитель приобретает право и возможность осуществлять обряды практического свойства, в том числе необходимых для избавления от бытовых бед: Обряд Дома, Обряд Чистоты, Обряд Жертвы [3, с. 235] и ряд других. Это делает образ правителя более рельефным и многогранным.

На протяжении всей своей истории государство хеттов системно эволюционировало и, несомненно, его культура, органично вписываясь в окружающую реальность и отражала ее. В силу знакового статуса царской фигуры, образ правителя играл важную роль в хеттской культуре. В период складывания государства, формирования его территории и экономической структуры, царь виделся авторам историко-литературных и религиозных нарративов в первую очередь как воин и жрец, а не правитель. На то были очевидные причины: сильной власти внутри страны, по сути, не было, равно как и относительно централизованного аппарата управления. Однако в новохеттский период, по мере складывания империи хеттов и централизации государства, образ царя в культуре не могло не измениться, так, как он изменился в реальности. На первый план вышли качества лабарны-политика: хитрость, ум, способность мыслить стратегически как в бою, так и во время переговоров... В то же время, обретая большую власть над подданными, правитель сам начинал осознавать меру своей ответственности и перед народом, и перед богами.

Литература

1. Güterbock H.G. Authority and law in the Hittite kingdom // *Journal of the American Oriental Society*. 1954. Supplement 17. P. 16–24.
2. Довгяло Г.И. К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов. Минск, 1968.
3. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / пер. Вяч. Вс. Иванова. М., 1977.
4. Герни О. Р. Хетты / пер. с англ. М., 1987.
5. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Номовые государства, Территориальные царства, Полисы и Империи. Проблемы типологии // *Вестник древней истории*. 1982. № 2. С. 3–16.
6. Bryce T. *Life and Society in the Hittite World*. Oxford, 2002.
7. Yakubovich I. Were Hittite Kings Divinely Anointed? A Palaic Invocation to the Sun-God and Its Significance for Hittite Religion // *Journal of Ancient Near Eastern Religions*. 2005. Vol. 5. P. 107–136.
8. Hoffner H.A. *The Royal Cult in Hatti* // *Text, Artifact, and Image: Revealing Ancient Israelite Religion* / ed. by G. Beckman and T. Lewis (Brown Judaic Studies; 346). Providence, 2006.
9. Miller J.L. *Royal Hittite Instructions and Related Administrative Texts* (Society of Biblical Literature Writings from the Ancient World; 13). Atlanta, 2013.

Солопов Арсений Павлович. E-mail: arssolopov@mail.ru

Дата поступления: 25.12.2019

Дата принятия к публикации 15.01.2020

**FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE KING IN ANCIENT
HETTIAN LITERARY AND RELIGIOUS TEXTS**

DOI: 10.25629/HC.2020.05.06

Solopov A.P.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. The article presents an analysis of the representation of the image of the king in narrative sources dating back to the time of the formation of the Hittite state, as well as the ancient Hittite period. The specific features of the perception of imperial power that are characteristic of this era are revealed – the authors of the texts see the image of the king as a military leader, judge, high priest and servant of the gods, endowed with their patronage, but not deified. Later, there is a sharp shift in emphasis in the sources with a shift of attention to the description of the personal qualities of the ruler: intelligence, cunning, diplomatic skills, as well as to subjects related to the institution of dynastic marriages. At the same time, the ideas of the king’s exceptional proximity to the gods became much more prominent. The priestly powers of the ruler are expanding. A stable wording “the king became god” appears as a euphemism for death, testifying to the emergence and spread of the royal cult. Much more often there are motives of the king’s responsibility to the deities for the fate, life, health and well-being of their subjects. All this allows us to talk about the reflection in the culture characteristic of the New Hettian kingdom of the tendency to strengthen the power of the labarna (tsar), its centralization, and to strengthen in the minds of the people.

Keywords: labarna, tsar, state, imperial authority, culture, Hittites, Ancient East, Anatolia.

Solopov Arseny Pavlovich. E-mail: arssolopov@mail.ru

Date of receipt 25.12.2019

Date of acceptance 15.01.2020